

Yevheniya Ivanchukova

"Життя та дивовижні пригоди
козака Миколи на безлюдному
острові" И. Федива и Вал :
злотопольца как украинская
робинзоида

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 325-336

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Yevheniya Ivanchukova

Dniepropietrowski Uniwersytet Państwowy
Dniepropietrowsk, Ukraina

***ЖИТТЯ ТА ДИВОВИЖНІ ПРИГОДИ КОЗАКА МИКОЛИ
НА БЕЗЛЮДНОМУ ОСТРОВІ****
**И. ФЕДИВА И ВАЛ. ЗЛОТОПОЛЬЦА
КАК УКРАИНСКАЯ РОБИНЗОНАДА**

Ключевые слова: *робинзонада, героическое путешествие, социальная утопия, герой-идеолог, автор-идеолог*

Современный литературный процесс в Украине отличается не только разнообразием направлений, тенденций развития, но и обращением к значительному количеству имен и произведений, которые в силу исторических катаклизмов (революционного террора, войн, репрессий, идеологических притеснений) на протяжении длительного времени оставались «незамеченным поколением». Это было подлинное «искусство отсутствовать» (И. Каспэ)¹, поскольку творческие открытия не были окончательно утрачены (еще одно подтверждение тому, что не горят не только рукописи, но и редкие издания). Отметим и то, что в вопросе «воспроизводства присутствия», то есть возвращения в историю литературы, предлагается широкий спектр прочтений этих произведений с применением новых литературоведческих технологий, что позволяет осмыслить их не только художественную, но и социологическую ценность, то есть значимость для общественного сознания как времени создания, так и современности. В особенности это касается произведений массового характера (приключенческих, детективных, фантастических, мелодрамных), необычайно популярных у современного читателя. В связи с этим подчеркнем, что републикацию повести *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові* И. Федива и Вал. Злотопольца (без малого почти через столетие с момента написания и издания) можно назвать литературным событием, поскольку в этой книге ощущается стремление к обновлению украинской литературы прежде всего в аспекте типа героя, уставшей, как и русская или западноевропейская, от декадентско-символистских упаднических персонажей. И хотя это был преимущественно интуитивный шаг, молодые

* *Жизнь и удивительные приключения казака Мыколы на необитаемом острове.*

¹ См.: И. Каспэ, *Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы*, Москва 2005. Дополним: это несколько поколений и украинской литературы. См. об этом: Ю. Лавриненко, *Розстріляне відродження. Антологія 1917-1933. Поезія – проза – драма – есеї*, Київ 2005.

авторы стремились создать героя в соответствии и с требованиями времени, и одновременно с индивидуальными этико-эстетическими принципами.

М. Слабошпицкий, известный украинский критик, в послесловии к изданию повести определил *Пригоди козака Миколи Наливайка...* как украинскую робинзонаду, которая «щілковито пов'язана якщо не із загальносвітовою, то із загальноєвропейською літературною традицією»², имея для такого вывода весомые основания. Повесть была написана еще в 1918 г., но в силу многих причин осталась за рамками литературного процесса XX в., причем не только материкового, но и диаспорного, как и ее авторы, чьи имена не упоминались ни в учебниках истории украинской литературы, ни в энциклопедиях или справочниках, а потому создание робинзонад – проблема, актуальная для украинской литературы. Соответственно, есть необходимость обратиться непосредственно к анализу для осознания того, были ли перспективы для развития украинских робинзонад.

О Злотополеце данные слишком скудны: пока неизвестны не только даты рождения и смерти писателя, но даже его полное имя*. Известно, что он состоял в объединениях национальной молодежи, входил в состав студенческого куреня, был участником боя с красными войсками под станцией Круты. Дальнейшая его судьба связана (хоть и ненадолго) с Игорем Федивым (1895, Коломыя – 1962, Монреаль) – сечевым стрельцом, который после плена оказался в Киеве, где проживал под именем Петра Черноморского. Жизнь Федива складывалась так, что ему пришлось много путешествовать, часто менять места проживания, но неизменной оставалась страсть к издательскому делу: основание издательств было делом всей его жизни.

Вероятно, толчком даже для творческого сотрудничества молодых людей было создание Злотополцем издательства «Вернигора» в 1916 г. с целью ознакомить в первую очередь юного читателя с достижениями мировой литературы в украинских переводах. Выбор издателей, с одной стороны, был обусловлен их собственными эстетическими пристрастиями, а с другой – соотносился с назревавшими проблемами украинской литературы, в частности, в плане поисков героя нового типа. К тому же это была и общественная потребность, обусловленная крахом устаревших идеалов, глубоким разочарованием в исторических ситуациях, свидетелями и участниками которых были молодые писатели. Вопрос о том, во имя чего погибали молодые украинцы, какие мечты остались несбыточными, безусловно, волновал авторов. Об этом свидетельствует и посвящение повести – погибшему в бою под Крутами Николаю Лизогубу. Каких-либо дополнительных сведений о нем, кроме того, что он был участником этих трагических событий, пока нет. Но роль его как личности, которой посвящена повесть, весьма значительна: это посвящение создает «идейную многоакцентность произведения» (терминология М. Бахтина), где на первом плане не робинзонада как таковая, но

² М. Слабошпицкий, *Народження українського Робінзона*, [в]: Вал. Злотополец, І. Федів, *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові: пригодницька повість*, Київ 2007, с. 219.

* После того, как статья была написана, был найден важный материал. Стало известно, что псевдоним Злотополец принадлежит Валентину Дмитриевичу Отамановскому (1893-1964), украинскому научному деятелю. Это очередное подтверждение того, что имя талантливой творческой личности не может исчезнуть бесследно с литературной карты.

ее новаторский смысл, привнесенный украинскими авторами, – социально-идеологический. По мнению М. Бахтина, раскрывающего основные параметры явления в работе *Идеологический роман Л.Н. Толстого*, «в основе такого романа лежит идеологический тезис о желанном и должном социальном устройстве. С точки зрения этого тезиса дается принципиальная критика всех существующих общественных отношений и форм. Эта критика действительности сопровождается или перебивается и непосредственными доказательствами тезисов в форме отвлеченных рассуждений или проповеди, а иногда попытками изображения утопического идеала»³. К организующим началам такого романа М. Бахтин относил «не быт социальных групп», «не психологические конфликты», а «некоторый идеологический тезис, выражающий социально-этический идеал, в свете которого и дается критическое изображение действительности»⁴.

Трагические события под Крутами заострили необходимость появления героя-идеолога, то есть репрезентанта определенной идеологической позиции, сущность которой можно выразить так: «...идея в узком смысле, то есть воззрения героя как идеолога»⁵, и наличия автора-идеолога: «В нем прямая и полновесная идеологическая значимость и индивидуальность сочетаются, не ослабляя друг друга»⁶. То есть речь идет о существенном тождестве идеологических принципов автора и героя. Подчеркнем, критические суждения повести как таковой несколько ослаблены, не вынесены в текст непосредственно. Но участники трагического боя под Крутами, как авторы, так и герой, которому посвящена повесть, обостряют критический смысл проблемы вопросом, возникающим у читателя: во имя чего погибали под Крутами молодые украинцы? Заметим, оценка этих событий довольно противоречива. Один из участников вскорости напишет, что «бій під Крутами не мав жодного стратегічного значення, але й трагічна його розв'язка блідне після тих гекатомб жертв, які з того часу й по нинішній день несе Україна...»⁷. Могли ли Злотополец и Федив в тот момент дать ответ на вопрос, каким должен быть герой литературы как носитель идеалов? Безусловно, нет. В хаотическом состоянии мира его контуры едва угадывались. Очевидным было лишь то, что впоследствии Хейзинга в своей известной работе *Homo Ludens* обозначил следующим образом: «эпоха нуждается в тонизирующем средстве потому, что она ослаблена. Культ героического сам по себе есть показатель кризиса»⁸. А поскольку таких ситуаций в истории Украины было немало, то это должен быть герой, кровно связанный с культурной историей Украины, ее ключевыми страницами, которые в то же время получили признание в мире, органично вписались в европейскую историю. К таковым, несомненно, принадлежат героические страницы украинского казачества. Тот феномен, который стремились создать авторы повести, с одной стороны, имел реальные корни (принадлежал к славному роду Наливайко), а с другой – имел ориентиры на культурно-исторический тип казака,

³ М. Бахтин, *Идеологический роман Л.Н. Толстого*, [в]: М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 2, Москва 2000, с. 190-191.

⁴ Там же, с. 191.

⁵ М. Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского*, [в]: там же, с. 172.

⁶ М. Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского*, Киев 1994, с. 63.

⁷ А. Фіголь, *Крути*, <http://kruty.org.ua/statti/191-2009-01-28-14-52-02.html>.

⁸ Й. Хейзинга, *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня*, Москва 1992, с. 326.

получившего со временем статус «традиционного» образа, на основе которых был создан ряд героических образов в украинской литературе⁹. К таковым принадлежал персонаж Д. Дефо – Робинзон, любимый герой молодого поколения нескольких эпох. Как известно, последователи Д. Дефо были в каждой литературе и в разные времена, а именно: Р. Пелтон, *Жизнь и приключения Питера Уилкинса* (1751), Ж. Бернарден де Сен-Пьер, *Поль и Виргиния* (1787), Й. Шнабель, *Удивительные судьбы нескольких мореплавателей...* (1731-1743), Й. Кампе, *Робинзон Младший* (1779) и др. И если западноевропейская литература была переполнена героями такого типа, то в украинской эта проблема оставалась лакуной, которую необходимо было заполнить. В связи с этим внимание авторов было направлено не столько непосредственно на образ Робинзона Д. Дефо, сколько на его модификации, под влиянием которых было воспитано не одно поколение молодежи. Этим обусловлено обращение к *Робинзону Младшему* немецкого писателя Й. Кампе. Известно, что именно это популярное произведение издатели намеревались перевести на украинский язык. Однако Федив резко изменил первоначальный замысел. В какой момент возникла идея создания собственного произведения, неизвестно, но в предисловии Кампе есть фраза, которая, возможно, и подтолкнула молодых людей к этому шагу. Речь идет о характеристике немецким писателем времени, побудившего к созданию образа Робинзона-младшего, а именно: «... тогдашней духовной эпидемии, которая привела за несколько лет к страшному опустошению всех сил нашей физической и духовной природы, к заметному уменьшению суммы всех наших жизненных радостей»¹⁰. Очевидно, эта мысль обусловила создание не столько героя нового типа (напомним еще раз, черты его пока что были не совсем четки), сколько робинзонадной ситуации, которая, по современному определению, была «вельми поширена в європейських літературах XVIII-XIX ст.» как «традиційна сюжетна структура, в основі якої лежить ситуація ізоляції людини (групи людей) на острові»¹¹. При этом известный исследователь робинзонад Ю. Попов, выделяя типологические черты явления, утверждает, что главную роль в робинзонаде играет не образ-персонаж, давший ей наименование, а ситуация, в которой он оказался¹². Изоляция от общества, «чистота» мысли, поступка от каких-либо влияний открывали возможность для постановки философских, идеологических, даже утопических проблем¹³, что было характерно для робинзонад XX в. На наш взгляд, Федив и Злотополец во всей полноте использовали проблематическую насыщенность разнообразных робинзонад, но с той разницей, что творение украинских писателей имеет провокационно-робинзонадный характер, формообра-

⁹ См. об этом: А.Є. Нямцу, *Загальнокультурна традиція у світовій літературі*, Чернівці 1997.

¹⁰ Joachim Heinrich Campe, *Robinson der Jüngere*, p. 4, http://books.google.com/books?id=707RAAAA_MAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&.

¹¹ Ю. Попов, *Робинзонада*, [В]: *Лексикон загального та порівняльного літературознавства*, Чернівці 2001, с. 484.

¹² Там же, с. 485.

¹³ Подчеркнем, существует мысль, что «искусство как раз реализует эту потребность: в пределах частной человеческой жизни оно хранит память о принадлежности человека Целому. Художественная реальность, стало быть, – это и специфическое бытие человека в целостности образа художественного, и специфическое бытие образа художественного в целостном мире человеческой жизнедеятельности». См.: *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, [гл. науч. редактор Н.Д. Тамарченко], Москва 2008.

зуючий, а висновки несуть соціально-ідеологічний зміст. І протистояння між ними немає, оскільки є відчуття заломлення бахтинського принципу – «в одній площині з формоутворюючою ідеологією і з тотальним ідеологічним висновком може лежати і змістова позиція героя»¹⁴.

Згідно з одним з визначень дослідників, «робінознада – апологія існування особистості поза суспільства»¹⁵. Повне називання твору Д. Дефо – *Життя і дивовижні пригоди Робінзона Крузо, моряка з Йорка, який прожив двадцять вісім років в повній самотності на необжитому острові поруч з берегами Америки, поруч з впадінням річки Ориноко, куди він був викинутий катастрофою, в час якої весь екіпаж корабля, крім нього, загинув. С розповіддю про його несподіване звільнення піратами, написану ним самим* (1719). Книга збережена в традиціях часу і представляє собою існування обох подій і пригод, випавших на частку Робінзона Крузо. Називання твору *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові* розкриває традиції ХХ в. з прямим асоціативним вказанням на зв'язок з типовою робінознадою. Як і Робінзон Крузо Д. Дефо, головний герой повісті Микола Наливайко раптово потрапляє на необжитий острів. Тринадцятирічне перебування там стає кульмінаційним моментом його життя. Повернувшись в Україну, він знову опиняється в епіцентрі боротьби за його звільнення. Возглавив кращу сотню, Микола Наливайко гине, не змінивши своїх ідеалів: «І то вже треба спокуювати великий, хоч і невірний гріх, що не брав я участі у великих війнах з кочевниками за самостійність»¹⁶.

Заголовочний комплекс пригодницької повісті задає сюжетну перспективу твору. В називанні української робінознади заявлено головне подія, кардинально змінює образ життя Миколи, але при цьому його бачення Нової України залишається незмінним. На необжитому острові він починає будувати модель українського державства, не тільки спроможного дати потужний опір ворогам, але й маючого діючий закон і державний український мову: «Микола гадав, що утворенням тут української колонії та прилученням до неї згодом сусідніх островів він не тільки прислужиться українській державі, а й виконає важливе посольство...»¹⁷. Велике значення має введення, яке дає бачення про час, зображене Златопольцем і Федивим, а саме першої половини ХVII в. Як відзначають вчені, це був важливий і своєрідний період в історії української культури, коли сталося, як і в інших країнах, «певне повернення до середньовічної ментальності і традицій. Втім саме це властиве добі бароко – відродження середньовічної ментальності в поєднанні з засвоєнням деяких здобутків Ренесансу і Реформації з новими, специфічно бароковими рисами, тими, що виникли на ґрунті окресленого синтезу, і цілком новими»¹⁸. Визначеним чином це відобразилося на структурі твору.

¹⁴ М. Бахтин, *Проблеми творчості Достоевського...*, с. 65.

¹⁵ *Літературна енциклопедія термінів і понять*, гл. ред. і сост. А.Н. Ніколюкін, Москва 2001, стлб. 881.

¹⁶ Вал. Златопольць, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 206.

¹⁷ Там же, с. 180.

¹⁸ Я.Д. Ісаєвич, *Українська культура ХIII – першої половини ХVII ст.*, [В]: *Історія української культури: у 5 томах*, т. 2, Київ 2001, с. 483.

На наш взгляд, три части, из которых состоит повесть, можно условно обозначить как героическое путешествие, собственно робинзонаду и утопию.

Как известно, мотив героического путешествия стал традиционным для европейской литературы XVII-XVIII вв. Исследователи утверждают, что прекрасным подтверждением этого тезиса является французский роман XVII-XVIII вв., в котором художественно достоверно изображена жизнь чужой страны (романы Гомбервиля *Полександр*, Вольтера *Кандид*, Мармонтеля *Инки*)¹⁹. Ключевыми компонентами героического путешествия были постоянный интерес к другим цивилизациям; акцент на эпизодах, отмеченных экзотичностью, как важных этапах путешествия героя; адекватность персонажа самому себе в далеком чужом пространстве, открывателем которого был именно он; единство человеческой природы (совпадения представлений о красоте, добре и зле в Старом и Новом Свете). Идеальный персонаж героического путешествия может быть как рабом страстей, так и героем-наблюдателем, проповедующим собственную философскую идею. Проследим, как эти традиционные компоненты преломились в украинской повести первой четверти XX в.

Если для европейской литературы (в частности французской) характерен оттенок экзотической героичности, то в украинской литературе мотив героического связан с преодолением преград, испытаний, требующих мужества и силы духа. Это обусловлено влиянием литературы, прежде всего научной, о жизни и быте казаков. Д. Яворницкий, известный исследователь истории запорожского казачества, также отмечал как факт широкую географию путешествий казаков: «... отправлялись в Белое и Черное море, то есть Архипелаг и Мраморное море; отсюда же они проникали за Тамань, в Египет (“Белую Арапию”), заходили в Бессарабию (“Чертову Арапию”)...»²⁰. Литературовед Д. Наливайко в работе *Козацька християнська республіка* указывает на то, что начиная с конца XVI в. интерес к украинскому казачеству не угасает не только в соседних, но и в западноевропейских странах. Большинство западноевропейских авторов сходятся на том, что «запорозькі козаки своєю військовою активністю можуть сковувати весь або більшу частину турецького флоту в Чорному морі й тим самим стримувати експансію Османської імперії»²¹. Значимость этого исторического факта художественно подчеркивается авторами в повести с акцентом на художественной идеологеме рыцарства: «... слава Запорозької Січі гучно лунала всім світом. В очах цивілізованих європейських народів запорожець – це був лицар, що вів невпинну, жорстоку війну з мусульманством»²².

Первая часть повести *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові* имеет ярко выраженные черты героического путешествия. Как выпускник Киево-Могилянской академии, осознавая, насколько беззащитной становится Украина, угнетенная и поработенная врагами, Микола без колебаний вступает в ряды украинского казачества: «... і матері, і дівчата, й діти проводжа-

¹⁹ Л.Я. Потемкина, Н.Т. Пахсарьян, *Функція культурно-історическої топоніміки Нового Света в модифікаціях мотиву «героїчного подорожжя» в французькому романі XVII-XVIII вв.*, [в]: *Iberica aeternans. Культури Нового і Старого Света XVI-XVIII вв. в їх взаємодії*, Санкт-Петербург 1991, с. 156.

²⁰ Д.И. Яворницкий, *История запорожских казаков: в 3 томах*, т. 1, Киев 1990, с. 390.

²¹ Д.С. Наливайко, *Козацька християнська республіка*, [в]: *Запорізька Січ у західноєвропейських історико-літературних пам'ятках*, Київ 1992, с. 113.

²² Вал. Злотополец, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 54.

ли борців за Україну, месників за тих безневинних, що погинули на палях, у льохах, на бусурманських галерах»²³. Он сознательно выбирает путь, полный приключений, многочисленных походов и испытаний. Такой образ жизни характеризуется резкой сменой течения жизни, насыщенностью событиями, причем настолько значительной, что герой перестает ощущать традиционное течение времени: «Три роки, три роки минуло в походах! – прошепотів Микола. – І не стявився навіть»²⁴. Освобождає українців із неволи, Микола сам опиняється в турецькому плену і з цього моменту стає заручником щасливих, а іноді драматичних для нього стечень обставин, складуються в причудливу картину. Герой при цьому постійно перебуває під владою долі, яка неустанно готує для нього несподівані зміни. А це, як відомо, – модус приключенческого твору, а саме: героя декілька раз перепродають на невольничьих ринках і нарешті його господарем стає багатий араб, колишній губернатор Танжера; в нього влюбляється арабська красуня, союз з якою обіцяє багатство, а головне – свободу. Ще одним характерним для героїчного подорожжя модусом є проблема вибору, що стоїть перед героєм: «Перед ним відкрилися три шляхи: побусурманення, неволя й утеча. І він зробив вибір. Знав, що чекає його за невдачі, але почав обмірковувати план утечі»²⁵. Отметим, что такие мотивы, как плен, невольничий рынок, неожиданная любовь, побег, являются общими моментами, модусами, которые роднят повесть с приключенческими произведениями литературы романтизма (О. Дюма *Граф Монте-Кристо*, Дж. Байрон *Дон Жуан* и др.). Плен, попытка отуречивания героя, побег и, наконец, надежда на возвращение на родину завершаются кораблекрушением, после которого он остается живым, но одиноким: «Живу тепер сам на острові, та й Бог один знає, чи верну коли між Товариство Низове, чи побачу ще свою Україну...»²⁶. У нього немає зброї праці, вогню, житла і запасів їжі, однак він не тільки виживає в таких умовах, але й пристосовується до них, подолавши всі труднощі: «Та Микола не задовольнився лише необхідними речами. Він почав задумувати, як би то поліпшити своє господарство»²⁷.

Федив и Злотополец также делают акцент на модусе экзотичности, важных этапах путешествия героя. Волею судьбы герой оказывается в Западной Африке, в марокканском порту Танжере. Героя поражает окружающая его необычайная красота: «Переводив Микола погляд на місто: воно лежало все біле, заможно розкинувшись на зелених пагорбах; стрімко підносилися стрункі мінарети, білили серед гаїв пишно оздоблені вілли»²⁸. Но в то же время он ощущает ненависть к городу, который отнимает у него, невольника, свободу и последние надежды на возвращение в Украину. Однако срабатывает концепт «вдруг» (по М. Бахтину), характерный для приключенческого сюжета, который кардинально меняет его дальнейшую жизнь. Будучи образованным и эрудированным, владея иностранными языками, в частности латинским, Микола рассказывает своему хозяину,

²³ Там же, с. 10.

²⁴ Там же, с. 18.

²⁵ Там же, с. 47.

²⁶ Там же, с. 83.

²⁷ Там же, с. 140.

²⁸ Там же, с. 38.

кто он и как сюда попал. Как оказалось, на Африканском континенте знают о последних событиях, происходивших в Украине. Украинцев считают настолько смелым и рыцарским народом, что «самого Володаря вірних... гризе журба, що має таких завзятих сусідів»²⁹. А поэтому после упомянутой беседы герой был назначен учителем латинского языка для сына хозяина, а тяжкий невольничий труд остался в прошлом.

Безусловно, авторы не ставили себе целью воссоздать атмосферу Западной Африки (Марокко), пронизанную местным колоритом, но все же изображают характерные топографические особенности, предметы, детали пейзажа, одежду. Обозначенный несколькими штрихами, без излишней детализации, географический колорит подчинен идее постоянства персонажа, его адекватности самому себе в далеком чужом пространстве. Мыкола овладевает английским и арабским языками, сооружает ветряк по образцу украинского, читает Библию и не забывает об Украине. Несмотря на то, что его признают своим в чужом обществе, относятся к нему с уважением, он остается верным самому себе: «У пристойному вбранні це був гарний, ставний юнак з інтелігентним, завжди трохи зажуреним обличчям. І у виразі лица мав він щось таке, що притягувало кожного. ... У рухах і поведінці він видавався здетронізованим королем. І ця незламна сила викликала повагу навіть у гнобителів»³⁰.

Отметим, авторам было важно подчеркнуть как несоответствие – разнообразие природы, жизненного уклада, вероисповеданий, так и полное совпадение представлений о красоте, добре и зле, доблести и любви, то есть единство человеческой природы. Ведь героическое путешествие предусматривает не только испытания, усилия, но и духовное обогащение. Несмотря на языковой барьер, герой находит настоящего друга – английского матроса Джеймса Бровна, с которым потом ему удастся осуществить замысел о побеге. Во враждебной ему мусульманской стране Мыкола встречает девушку, которая пробуждает в нем близкие к любви чувства: «... усе віддав би він, щоб тільки розважити цю зажурену красуню! Здається, життя не пошкодував би за усміх на вирізьбленому, немов із білого мармуру, личку»³¹. К тому же в процессе общения выясняется, что она также чужая в этой стране. Какая страна является ее родиной, неизвестно, однако именно в Мыколе она видит родного и близкого ей человека. Мыкола гармонично вливается в окружение хозяина, куда входят эрудированные, образованные люди. С ними он может говорить как на философские, так и на религиозные темы. Таким образом, на основании человеческого единства происходит процесс духовного становления героя, способного как преодолевать препятствия, так и переживать новые эмоции и чувства.

Во время героического путешествия герой предстает в двух ипостасях, которые взаимно дополняют друг друга. С одной стороны – раб страстей, с другой – герой-наблюдатель, проповедующий собственную философскую идею, а именно: философствовать – означает учиться умирать, преодолевая противоречия бытия. Героическое начало проявляется через стремление освоить мир и придать ему

²⁹ Там же, с. 40.

³⁰ Там же, с. 41.

³¹ Там же, с. 45.

смысл. То есть герой сам является воплощением своей философии. В связи с этим заметим: М. Бахтин, излагая мысль о герое-идеологе, подчеркивал ярко выраженное в нем самосознание и наличие собственной идеи, которую, скорее, можно рассматривать как определенную жизненную программу: «Герой-идеолог, ищущий правду, последнюю позицию в мире, но не для того, чтобы написать статью и философскую поэму (хотя они это и делают), а для того, чтобы жить»³². Развивая эту мысль в работе, ученый пришел к выводу: «Каждое лицо входит... как символ некоторой жизненной установки и идеологической позиции, как символ определенного жизненного решения тех самых идеологических вопросов, которые его (героя – Е.И.) мучат»³³. В повести Федива и Злотополецца поступки главного героя становятся отражением его жизненной философии. Та идея, которую он стремится воплотить в жизнь, требует от него самопожертвования. Ситуацию, сложившуюся в Украине первой половины XVII в., он воспринимает как время коренных изменений, как переломный момент в жизни своего народа. Вступив в ряды украинского казачества, Микола осознает, что уже не свернет с избранного им пути борьбы за свободную Украину. Будучи последним представителем славного рода Наливайко, он берет на себя ответственность воплотить в жизнь взлелеянный идеал государства или погибнуть: «І Микола йшов покiрно тим хресним шляхом, який не раз стелився перед сотнями тисяч українських бранців, єдиною визволителькою з якого була мученицька смерть»³⁴.

Подчеркнем, что между тремя частями отсутствует четкое размежевание. Оно настолько размыто и условно, что героический оттенок проступает как в робинзонаде, так и в утопии.

Драматизм робинзонады создан исключительными обстоятельствами, в которых оказывается герой, выброшенный после кораблекрушения на неизвестный необитаемый остров Атлантического океана. Однако здесь важно сразу подчеркнуть тот факт, что авторы повести не задавались целью копировать сюжет известного романа Д. Дефо. Особенностью украинской робинзонады является то, что она одновременно вступает в тройную полемику с такими произведениями, как *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо* Д. Дефо, *Робинзон Младший* Й. Кампе, *Эмил Ж.-Ж. Руссо*. Это становится понятно уже из предисловия к *Робинзону Младшему* Й. Кампе, перевод которого планировал один из авторов повести. Как известно, немецкий писатель делит историю пребывания своего Робинзона на необитаемом острове на три периода. Отметим: немецкая робинзонада, разворачивая в трех частях мысль о том, «как много раздумий и неустанного упорства необходимо приложить для улучшения положения человека»³⁵, ориентируется на юного читателя, которому посредством описанных событий преподносит нравственный урок. По мысли Ж.-Ж. Руссо, история Робинзона – едва ли не лучшее изложение принципов природного воспитания. У него нет сомнений в том, что в книге доступно показаны естественные потребности и способы, которыми следует их удовлетворять. В украинской робинзонаде заметно преобладание черт романа воспитания, но авторы стре-

³² М. Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского...*, с. 63.

³³ Там же, с. 136.

³⁴ Вал. Злотополець, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 29.

³⁵ Joachim Heinrich Campe, *Robinsonder Jüngere...*

мятся воплотить более глубокий замысел. Их герой – украинский казак, который не только мастерски владеет ремеслами и не боится трудностей (как и Робинзон), но и пытается создать на острове модель своей могучей и нерушимой Украины-державы, в которой действует устав, чтят украинский язык, а главное – она прекрасно укреплена и неприступна для врагов: «Отак невпинно розквітала українська колонія, а мати-метрополія не знала навіть, що в далекому Новому Світі є клаптик Української держави й на ньому живе козак...»³⁶. В отличие от немецкого Робинзона, который жаждет новых эмоций и спонтанно отправляется в путь, герой украинской робинзоны сознательно идет на героическое путешествие. Не обитаемый остров – период, который окончательно убедит его в правильности избранного им пути. Мыкола достойно воспринимает положение, в котором оказался, поэтому, не ограничиваясь добыванием пищи и изготовлением орудий труда, он начинает процесс открытия, исследования и освоения Нового Света.

Мыкола Наливайко начинает обустривать собственное жилище, но выбирает для этого не хижину или раскидистое дерево, а пещеру. Как известно, у Платона образ пещеры связан с противостоянием реального мира и мира теней, в котором живет герой. И в этом оказывается смысл поиска истины. По мнению В. Топорова, пещера хоть и заменяет собой жилище, но в ней, скорее, спасаются от опасности, нежели живут, или прячутся от мира³⁷. Герой повести сначала, действительно, использует пещеру как временное пристанище, чтобы спастись от хищных зверей и холода. Но затем он начинает обустривать это помещение таким образом, чтобы оно стало надежно укрепленным и защищенным жилищем, а все вокруг свидетельствовало, что здесь живет украинский казак: «Ось і знову маю домівку, – відпочиваючи, думав Микола. – Та й боятися вже не треба, що в будь-яку хвилину завалиться покрівля, оці стіни й дах тепер із суцільної скелі, без найменшої щілини»³⁸. То есть от мира, полного противоречий и несправедливости, он изолирован, а образ жизни, который герой начинает вести на острове, напоминает первые этапы развития человечества: изготовление орудий труда, посуды, одежды, добыча пропитания, приручение животных. На важности и необходимости этого момента в свое время настаивал Ж.-Ж. Руссо с его лозунгом «назад к природе». Мыслитель утверждал, что наряду с прогрессом культуры происходит упадок нравственных ценностей, когда человек перестает слышать голос природы и разума. Утратив всякую связь с внешним миром, главный герой украинской повести страдает от одиночества, но также в гораздо большей мере – от ощущения непричастности к событиям, происходящим на его далекой родине: «Може, без цього вигнання став би я відступником, і цей відлюдний острів урятував мене від вічної згуби, а рід і Україну – від ганьби»³⁹. Здесь у него есть возможность действовать так, как подсказывает ему сердце, а потому на западном побережье Африки появляется Новая Украина. Таким образом, украинского Робинзона можем осмысливать как одну из модификаций идеи естественного человека, берущей свое начало в эпохе Просвещения.

³⁶ Вал. Злотополец, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 169.

³⁷ В.Н. Топоров, *Пещера*, [в]: *Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 томах*, т. 2, Москва 1997, с. 311.

³⁸ Вал. Злотополец, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 91.

³⁹ Там же, с. 162.

Сквозная идея приключенческой повести *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові* утопична, поэтому не только третья часть, но и все произведение представляет собой своеобразную утопию. С точки зрения ученых, утопия – модель неизвестной страны, которая воплощает идеал той или иной эпохи (так, народная утопия имеет много имен и обликов: английская Коккейн и французская Кокань, Гора Венеры и Страна Юности и т. д.)⁴⁰. Как известно, дословно же «утопия» переводится как «место, которого нет». Главный герой рисует в воображении свободную и единую Украину, где царит благоденствие, исчезают запреты говорить по-украински. Но его порывы и мечты сталкиваются с суровой реальностью – его жизни, которой он готов пожертвовать ради страны, мало: «Але хто винен, що не маємо досі держави? Хто?! ... Хіба є сила, щоб здавити нас, аби повстали однак? Свої!.. Свої!.. – простогнав він, задихаючись од болю. – Це ті відступники, що тягнуть нас до братання з гнобителями-чужинцями. Це ті Юди-“братолубці”, що не дають нам утопити ворожих зайд у їхній крові! О, прокляття!...»⁴¹. Поэтому из неизвестного острова он делает Украину в миниатюре, давая его частям украинские названия: «На острові були і Січ, і Великий Луг, і Карпати, й Альта, і Рось»⁴².

После семнадцатилетней разлуки, спасенный английским кораблем, герой возвращается в Украину. Здесь к нему приходит понимание краха его надежд, ощущение собственной обреченности. Возглавив лучшую сотню в войске Ивана Богуна, Микола погибает в битве под Конотопом. Его гибель засвидетельствовала утопичность, невозможность реализации его плана, поскольку время для таких героев еще не пришло. Тут можно заметить переключку с событиями под Крутами, произошедшими в годы, когда была написана повесть.

Таким образом, появление приключенческой повести *Життя та дивовижні пригоди козака Миколи на безлюдному острові* засвидетельствовало тенденцию к обновлению украинской литературы, которая выразилась в формировании нового типа героя и новой жанровой формы. Робинзоада объединила несколько направлений: героическое путешествие, собственно робинзоаду и утопию. Утопическая идея усилила драматизм произведения, которое, в отличие от типичных образцов робинзоады, заканчивается гибелью героя.

К сожалению, дальнейшего развития украинская робинзоада не получила в силу исторических обстоятельств: на пути естественного развития украинской литературы стал соцреализм.

⁴⁰ А.Л. Мортон, *Английская утопия*, Москва 1956, с. 52.

⁴¹ Вал. Злотополец, І. Федів, *Життя та дивовижні...*, с. 157.

⁴² Там же, с. 171.

Summary

***Life and adventures of the cossak Mykola on an uninhabited island* by I. Fediv and V. Zlotopolec as Ukrainian Robinsonade**

The article is devoted to the analysis of the first Robinsonade in the Ukrainian literature *Life and adventures of the cossak Mykola on an uninhabited island* by I. Fediv and V. Zlotopolec which was written in 1918. It consists of three parts: heroic journey, Robinsonade as itself and social utopia. Their characteristic features and the type of the character as an ideologist and the author as an ideologist (according to the Bahtin's conception) are regarded. The role of the history of culture, philosophy, the forms of life of Zaporizhzhya cossaks are analyzed as the constituent parts of the national Robinsonade.

Key words: *Robinsonade, heroic journey, social utopia, character-ideologist, author-ideologist*